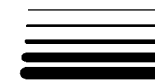

МИР РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Хронотоп русской провинции

DOI:
Введение в рубрику
Section introduction

**Мир российской провинции:
научная проблема и жизненная среда**

М.В. Груздев
Ярославский государственный педагогический университет,
Ярославль, Россия

Груздев Михаил Вадимович – доктор педагогических наук, ректор Ярославского государственного педагогического университета.
rector@yspu.org

Для цитирования: Груздев М.В. Мир российской провинции: научная проблема и жизненная среда // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 11. С. . DOI:

**The World of Russian Province:
A Scientific Problem and Living Environment**

M.V. Gruzdev
Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia

Mikhail V. Gruzdev – D.Sc. in Pedagogy, Rector of the Yaroslavl State Pedagogical University.
rector@yspu.org

For citation: Gruzdev M.V. (2019) The World of Russian Province: A Scientific Problem and Living Environment. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 11, pp. DOI:

Двуединство провинции – как научной проблемы и жизненной среды – утвердилось в современных исследованиях и образовательном процессе. Ушли в прошлое или, по крайней мере, не рассматриваются в качестве заслуживающих внимания представления о провинции, как о консервативном и малопродуктивном ареале, как о поэтической метафоре и сфере обитания странных людей. Несмотря на то, что русская культура неоднократно давала материал для формирования именно таких взглядов, будь то литературные произведения о помещиках или крестьянах, живописные произведения – скромные камерные пейзажи, – современное видение провинции существенно обновилось. Это, с одной стороны, является выражением реальных социально-экономических процессов, с другой стороны, – результатом научных исследований и их продвижением в социокультурную сферу нашей страны.

Появление в журнале «Философские науки» специальной рубрики «Мир российской провинции», где исследователи, работающие в разных регионах России, могли бы последовательно формировать культурфилософские, социально-философские, нравственно-философские, философски-эстетические представления об исторической ретроспективе и актуальных проблемах российской провинции, мы считаем важным в научном отношении событием. Необходимость появления такой рубрики не вызывает сомнения.

Современная российская гуманитаристика в настоящее время уже вполне органично рассматривает такой инвариант социокультурной среды, как провинция, которой, в свою очередь, посвящаются исследования в междисциплинарной научной области, именуемой «провинциология».

Сегодня можно говорить о новой научной тенденции, сформировавшейся в России в последние три десятилетия, – соединении академических исследований и социально-нравственных акций, в которых провинция интерпретируется как значимый и многогранный культурный феномен, требующий серьезного, системного изучения и развития. При этом отношение к данному феномену не может выражаться в негативных или позитивных коннотациях¹. С особым уважением и благодарностью подчеркнем, что у истоков

¹ См.: Злотникова Т.С. Провинция // Культурология. Энциклопедия. В 2 т. Т.2 / главный редактор и автор проекта С.Я. Левит. – М.: РОССПЭН, 2007. С. 290–297.

М.В. ГРУЗДЕВ. Мир российской провинции: научная проблема и жизненная среда этой тенденции, наряду с коллегами из некоторых других регионов России, например, из Самары, Екатеринбурга, Мордовии, находятся ученые Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского. Именно поэтому в 2017 г. было принято решение, поддержанное многими российскими учеными и педагогами, в том числе из Москвы и Санкт-Петербурга, открыть под руководством профессора Т.С. Злотниковой Национальный исследовательский центр «Мир русской провинции», о чем еще будет сказано ниже.

Отечественная провинциологическая школа с ее социокультурными, культурфилософскими, историко-культурными и культурно-образовательными гранями – это продукт деятельности, прежде всего, собственно жителей провинции. В 1993 г. в Ярославском педагогическом университете (тогда – институте) была проведена и нашла отражение в соответствующем издании² неожиданно масштабная научная акция, посвященная провинции. Аналогичная научная акция была до этого проведена в Самаре («Мифы русской провинции»). На призыв к осмыслению провинции как значимого культурного феномена откликнулись ведущие отечественные философы, искусствоведы, филологи, заявили о себе, что было важно в ситуации самоидентификации самой науки, культурологи. Значима была география, представленная участниками той конференции: это была и провинция – Кострома, Самара, Саранск, Екатеринбург, и столицы – Москва, Санкт-Петербург. Для ярославских студентов и молодых преподавателей этот научный рубеж обозначил переход к интеллектуальному и социально-нравственному самопознанию, возможность равноправно с другими участниками научной жизни работать в масштабных измерениях.

Именно с конференции «Русская провинция и мировая культура» началось параллельное развитие двух тенденций: научной, связанной с изучением исторических событий и культурного опыта отдельных групп и персон, и нравственно-социальной, связанной с формированием у жителей провинции понимания и восприятия себя как полноценных, востребованных, самостоятельных и успешных людей. Уже позднее ярославскими культурологами было сформулировано следующее положение: научные исследования, теоретические обоснования культурного опыта и

² Русская провинция и мировая культура / научный редактор Т.С. Злотникова. – Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1993.

социокультурные, скрупулезно и неоднократно проводившиеся опросы направлены на то, чтобы «помочь современному российскому провинциалу знать о себе, понимать смысл происходящих и предстоящих событий, влиять на собственную судьбу и противостоять моде на социально-культурную деструктивность»³.

Преимущество процессов научной и образовательной работы Ярославской культурологической школы в сфере многоаспектного изучения русской провинции нашло отражение в открытии на базе ЯГПУ уже упомянутого нами Национального исследовательского центра «Мир русской провинции» (далее – Центр), успешно объединяющего студентов, преподавателей, молодых и ведущих ученых из разных регионов России для реализации научно-исследовательских проектов и культурно-просветительской деятельности.

Таким образом, наряду с научно-исследовательской парадигмой мы говорим о парадигме социально-культурной, поскольку смысл работы центра – это и формирование у жителей огромной русской провинции самоуважения, особенно важного для молодежи представления о своем праве на внимание и понимание; но это и формирование значимого для руководителей регионов и относительно небольших ареалов России представления о смысле жизни отдельного человека в большой России и локальной провинции, ибо человек должен «сгодиться» и быть востребован на своей Родине.

Центр, одно из направлений деятельности которого мы представляем в журнале «Философские науки» серией публикаций, создан на основе работы, проводившейся представителями ярославской культурологической школы, с одной стороны, и учеными иных научных специальностей (лингвистики, географии, истории, литературоведения) – с другой. Открывая Центр, мы придавали ему значение нового коммуникативного пространства, в котором не только проводятся конференции и защищаются диссертации, но и аккумулируются идеи и результаты работы многих исследователей из многих регионов. Причем мы учитывали интересы не только собственно научной общественности, но и школьников, экскурсантов, практиков, работающих в сфере культуры, и менеджеров. Мы полагали, опираясь на сформированный опыт научной коммуникации, что Центр закрепится в сознании российской научной общественности как инвариант интерактивной платформы, используемой для

³ Злотникова Т.С., Ерохина Т.И., Новиков М.В. Человек в современной российской провинции (концепция и направления социокультурного исследования) // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 3. С. 222.

М.В. ГРУЗДЕВ. Мир российской провинции: научная проблема и жизненная среда обсуждения, апробации идей и проектов, помогающей найти отклик на уровне межличностного общения и коллективного признания.

Ярославская культурологическая научная школа стала центром, аккумулирующим идеи и людей, коллег-ученых, начинающих и опытных, желающих защищать диссертации и участвовать в коллективных исследованиях, конференциях, публикациях. Миссия Центра многоаспектна и связана с формированием инновационной парадигмы изучения культуры русской провинции, с обоснованием проблематики массовой культуры в русской провинции, с актуализацией таких историко-культурных и социокультурных кластеров, как «музей – городская среда – житель/гость», «социум – образование», «социум – традиции – религиозная жизнь», «управление – общественное мнение/массовое сознание – регион – Россия»; «наука – культурно-просветительская деятельность – работа СМИ». Миссию Центра мы с коллегами видим и в уже признанной, но от этого не становящейся менее значимой, более того, активно востребованной в России объединяющей роли ярославских ученых, готовых консультировать, модерировать усилия коллег и способствовать продвижению интересных научных и просветительских начинаний.

Особое значение в деятельности Центра и в актуализации проблематики, связанной с русской провинцией, приобретают задачи собственно академического порядка, направленные на интеграцию сформировавшихся и вновь формируемых концепций изучения русской провинции и соотнесения этих концепций с современными социальными, экономическими, социокультурными вызовами.

В числе партнеров Центра научные и образовательные учреждения, организации сферы культуры как Ярославской области, так и других регионов России (Институт философии РАН; Институт искусствознания Министерства культуры РФ; РАНХиГС; ВШЭ; МГЛУ; РГПУ им. А.Н. Герцена; РХГА; Гуманитарный университет; СамГИК и Самарский медицинский университет; Национальный исследовательский университет «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова; ЯГТИ; ЯрГУ; МУБиНТ; Ярославский художественный музей; Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», Центральная библиотечная система г. Ярославля и др.).

Деятельность Центра связана с инициированием и проведением крупных научных и научно-практических мероприятий, а также с научно-методическим обеспечением социокультурных, культурно-образовательных, историко-культурных, художественно-творческих акций на различных территориях русской провинции. С гордостью хочется отметить коллективные научные исследования в контексте проблематики работы Центра. В рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2009–2013 гг.) было проведено исследование «*Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах*». В рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009–2010 гг.), проект № 2,1.3/1547 – исследование «*Методология интегративных исследований российского универсума “провинциальный исторический город”*»⁴.

Многочисленные грантовые мероприятия и исследования (Грант РГНФ 10-03-14063г – конференция «*Образы города в горизонте российской динамики*», 2010; Грант РГНФ 12-03-00137 «*Культурфилософское обоснование трансформаций российского опыта в контексте глобального и локального*», 2012–2014; Грант РГНФ 14-03-18002 «*Человек в современной российской провинции, социокультурное исследование приоритетов и перспектив*», 2014; Грант РНФ 14-18-01833 «*Текст и контекст массовой культуры: российский дискурс*», 2014–2018; Грант РГНФ 15-03-00655 «*Пограничность как философско-эстетический модус русской культуры*», 2015–2017) свидетельствуют о фундаментальности разработанной ярославскими культурологами концепции русской провинции, о востребованности полученных в ходе продолжительной научной деятельности результатов⁵.

⁴ Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах: коллективная монография / под науч. ред. Т.С. Злотниковой, Т.И. Ерохиной, Н.Н. Летиной, М.В. Новикова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013; Исторический город русской провинции как культурный универсум: учебное пособие / науч. ред. Т.С. Злотникова, М.В. Новиков, Н.А. Дидковская, Т.И. Ерохина. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010.

⁵ Образы города в горизонте российской динамики: научный сборник / отв. ред. М.В. Новиков, Т.С. Злотникова, Т.И. Ерохина. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010; Культурфилософское обоснование трансформаций российского опыта в контексте взаимодействия глобального и локального: коллективная монография / под науч. ред. М.В. Новикова, Т.С. Злотниковой, Т.И. Ерохиной. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2014; Злотникова Т.С., Ерохина Т.И., Новиков М.В. Человек в современной российской провинции (концепция и направления социокультурного исследования) // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 3. С. 218–223; Густякова

Традиционно вопросы, касающиеся обобщения и продвижения знаний о русской провинции, рассматриваются на конференциях, которые проводятся прежде всего в ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. Знаковыми мероприятиями для университета и Центра стали конференции, объединившие ведущих исследователей провинциальной проблематики: «Творческая личность», «Проблемы российского самосознания: Максим Горький и русская провинция» (2016, 2018), «Развитие кадрового потенциала сферы культуры» (2019).

Деятельность Центра и ярославской культурологической школы находит отражение в многочисленных кандидатских и докторских диссертациях, посвященных таким темам, как деревянная архитектура Русского Севера (А.Б. Пермиловская); взаимоотношения Л. Толстого и Русской Православной Церкви (Ю.Л. Ореханов); русские колокола и родовые связи региональных семей; архитектурный облик городов (Ярославль, Рыбинск); художественные и культурно-образовательные практики; культурные традиции Воронежа и Иванова и других провинциальных городов. Выпущенные из ЯГПУ и защищенные в диссертационном совете университета кадры востребованы в различных научных учреждениях, организациях сферы образования и культуры, причем не только Ярославской области.

Таким образом, значимость научной культурологической школы ЯГПУ и деятельности Центра «Мир русской провинции», основателем и идеологом которых является заслуженный деятель науки РФ, доктор искусствоведения, профессор Т.С. Злотникова, несомненна. Авторитет в разработке провинциальной проблематики и выявлении тенденций развития провинциальной культуры признается не только на региональном, но и на всероссийском уровне, о чем свидетельствуют различные достижения ярославских культурологов, в том числе публикации в престижных изданиях («Вопросы философии», «Социологические исследования», «Вестник РХГА», «Обсерватория культуры», «Вопросы культурологии» и др.), многочисленные обращения ведущих ученых с просьбой выступить оппонентами на защите кандидатских и докторских диссертаций и рецензентами публикаций. Достигнутые научные результаты – показатель понимания значимости русской провинции для развития культуры и образования в целом.

Д.Ю., Дидковская Н.А., Шахова Е.А. Личность в современной российской провинции: приоритеты и перспективы // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. С. 253–258; Летина Н.Н., Еремин А.В., Шапошников В.А. Приоритеты и перспективы человека в современной российской провинции по материалам социокультурного исследования // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. С. 259–263.

DOI:
Оригинальная исследовательская статья
Original research paper

Провинциальный дискурс русской культуры*

Т.С. Злотникова

Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия

Аннотация

В статье представлено оригинальное авторское исследование проблематики русской провинции как социокультурного и психологического феномена, художественно-образного комплекса и философской метафоры. Русская провинция была маркирована и автором настоящей статьи, и рядом коллег из других российских регионов как специфический духовный феномен, лишенный прямых географических или социально-политических координат и насыщенный ментально детерминированными признаками. Выявлен хронотоп русской провинции как проблема междисциплинарного изучения. Доказывается, что русская провинция – это не просто среда, ландшафт, образ, место действия, она воплощение морфологии российского социально-географического и культурно-исторического пространства. Хронотоп русской провинции – это реализация противоречивых ощущений и восприятий, согласно которым уникальность и приниженность, яркость и стертость парадоксально сочетаются в одном, широко раскинувшемся и в то же время тесном пространстве. Необходимым и актуальным является решение вопроса о том, насколько разнообразно проявляется в текстах культуры, как художественных, так и научных, сложный корпус компонентов научной метафоры «русская провинция», выявленный автором настоящей статьи и коллегами-исследователями по Ярославской научной школе. В данный корпус мы включили и в свое время обосновали как универсально значимые такие компоненты, как «пространство», «время», «личность», «текст», «символ», а также определили специфически значимые компоненты: «хронотоп», «скука» и некоторые др. Материальная составляющая провинции – город – верифицируется в синергетическом, семиотическом, герменевтическом аспектах. Ментальная составляющая актуализируется через мотивы

* Выполнено в соответствии с планом работы на 2019 г. Национального исследовательского центра «Мир русской провинции» Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского.

человека скучающего, человека творящего, а также маргинала. С опорой на суждения философов (Н. Бердяева, В. Розанова, В. Соловьева) и представителей художественной сферы (Н. Некрасова, А. Чехова, И. Тургенева) делаются выводы о том, что русская провинция приобрела качество сложного художественного образа и философской метафоры. Это является следствием того, что русская провинция принципиально неомогенна как в прошлом, так и в настоящем. По аналогии с известным парадоксальным словосочетанием Вл. Соловьева («русский европеец») к существительному «провинция» неотъемлемо присоединяется прилагательное «русская». Таким образом, русская провинция в ее консервативности и динамичности – это неиссякаемый источник культурных смыслов и взыскующий интереса объект изучения.

Ключевые слова: русская провинция, дискурс, культура, материальная и ментальная компоненты, хронотоп.

Злотникова Татьяна Семеновна – доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры культурологии, научный руководитель Национального исследовательского центра Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского.

cij_yar@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

Для цитирования: Злотникова Т.С. Провинциальный дискурс русской культуры // Философские науки. 2019. Т. 62. № 11. С. . DOI

Provincial Discourse of Russian Culture*

T.S. Zlotnikova

Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia

Summary

The article presents the original author's research of the problems of the Russian province as a socio-cultural and psychological phenomenon, artistic-figurative complex and philosophical metaphor. The Russian province was marked both by the author of this article and by a number of colleagues from other Russian regions as a specific spiritual phenomenon, devoid of direct geographical or socio-political coordinates and saturated with mentally determined features. The chronotope of the Russian province is revealed as a

* The article is prepared within the framework of the research program in 2019 of "The World of Russian Province" National Research Center of the Yaroslavl State Pedagogical University.

problem of interdisciplinary study. It is proved that the Russian province is not just an environment, landscape, image, place of action, it is the embodiment of the morphology of the Russian socio-geographical and cultural-historical space. Chronotope of the Russian province is the embodiment of conflicting feelings and perceptions, according to which the uniqueness and belittlement, brightness and Erasure paradoxically combined in one, widely spread and at the same time close space. It is necessary and urgent how complex the corpus of the components of the scientific metaphor “Russian province” revealed by the author of this article and colleagues-researchers at the Yaroslavl scientific school is manifested in the texts of culture, both artistic and scientific. In this corpus we have included and at the time justified it as universally significant-space, time, personality, text, symbol – and specifically significant, first of all, chronotope, boredom and some others. The material component of the province – the city – is verified in synergetic, semiotic, hermeneutic aspects. The mental component is actualized through the motives of a bored person, a creative person, and a marginal person. Relying on the opinions of philosophers (N. Berdyaev, V. Rozanov, V. Solovyov) and representatives of the artistic sphere (N. Nekrasov, A. Chekhov, I. Turgenev), the author concludes that the Russian province has acquired the quality of a complex artistic image and philosophical metaphor. This is a consequence of the fact that the Russian province is not homogeneous, it is multi-component, has different levels and different vectors of existence. By analogy with the well-known paradoxal phrase of V. Solovyov (“Russian European”), to the noun “province” inherently joins the adjective “Russian.” Thus, the Russian province in its conservatism and dynamism is an inexhaustible source of cultural meanings and a demanding object of interest.

Keywords: Russian province, discourse, culture, material and mental component, chronotope.

Tatyana S. Zlotnikova – Doctor of Arts, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Cultural Studies, Scientific Director of the National Research Center, Yaroslavl State Pedagogical University.

cij_yar@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

For citation: Zlotnikova T.S. (2019) Provincial Discourse of Russian Culture. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 11, pp. DOI:

Введение

В середине 1990-х гг. провинциальная проблематика активно вошла в сферу научных интересов многих отечественных ученых: философов, культурологов, филологов, искусствоведов. Выдаю-

щийся искусствовед, москвич (что он подчеркивал специально и особо) Г.Ю. Стернин задумал издание коллективного труда, посвященного русской провинции, пригласив к участию исследователей из Москвы (это были Б.И. Зингерман, написавший о Гоголе, Т.П. Каждан, написавшая о русской усадьбе) и из провинции (Пермь, Саратов, Ярославль) [Мир русской провинции... 1997]. Замысел был незауряден в силу того, что москвичи писали не только о Москве, но и о провинции, а немосковские авторы писали как о своих регионах, так и об общероссийских явлениях.

Первоначальное название издания, которое мы обсуждали совместно, звучало высокопарно и обнадеживающе: «Поэзия русской провинции». После дискуссий и рассмотрения решительно приводимых доводов относительно того, что провинция далеко не только «поэтична», вовсе не только гармонична, она драматична, травматична для своих обитателей и неопознана для пришельцев, название издания изменилось. Вместо прямолинейно-оценочного у книги появился принципиально иной, широкий, нарочито объективный заголовок, которому сегодня мы отдаем дань открываемой рубрикой: «Мир русской провинции и провинциальная культура» [Мир русской провинции... 1997]. Русская провинция была представлена как специфический духовный феномен, лишенный прямых географических или социально-политических координат и насыщенный ментально детерминированными признаками, и автором настоящей статьи, и рядом коллег из других российских регионов: Е.Я. Бурлиной из Самары, Н.И. Ворониной из Саранска [Воронина 2016], А.Б. Пермиловской из Архангельска [Пермиловская 2013], А.Ю. Тихоновой из Ульяновска [Тихонова 2019] и др.

Постановка проблемы.

Хронотоп русской провинции как проблема междисциплинарного изучения.

Русская провинция в историко-культурном и культурфилософском аспектах, в своей культурно-антропологической неповторимости и социально-экономической редуцированности – это предмет давнего и последовательного интереса мыслителей прошлых эпох, особенно XIX и начала XX вв., а также среда обитания множества русских творцов и их персонажей. Русская провинция – это не просто среда, ландшафт, образ, место действия, она воплощение морфологии российского социально-географического и культурно-исторического пространства [Злотникова, Летина, Ерохина, Киященко 2014]. А коль скоро мы ставим вопрос о морфологии культуры, то в качестве культурного кода, который означает собой метафору «русская провинция», предлагаем рассматривать хронотоп. Последний включает в себя универсальные

характеристики – пространство и время, обе эти категории имеют специфическое воплощение. Пространство – это фактически вся Россия кроме Москвы и Петербурга; время – это, прежде всего, субъективное ощущение и осознание пути между ареалами проживания людей.

К этому мы добавляем и психоэмоциональную характеристику – настроение тоскующих и мечтающих о лучшей жизни где-то в отдалении людей. Мы полагаем хронотоп провинции как своего рода воплощение противоречивых ощущений и восприятий, согласно которым уникальность и приниженность, яркость и стертость парадоксально сочетаются в одном колоссальном и все же локальном пространстве: «За Петербургом есть довольно обширное пространство земли, именуемое Россией <...> Некоторые петербургские жители, исключительно ограничивающие свою жизненную деятельность одним Петербургом, не знают, может быть, этих подробностей...» [Соллогуб 1991, 154].

Разработка проблематики.

Мир русской провинции: материальная конкретность и ментальная непостижимость

Мир русской провинции, будучи не только метафорически-широким концептом, но и вполне конкретной дефиницией, может быть охарактеризован с помощью определенного набора понятий. При всей их привычности следует отметить сложившийся номинативный ряд, воплотившийся в тенденциях словоупотребления.

Одна из тенденций – все большее поглощение понятием «культура провинции» базового понятия «провинциальная культура». Другая тенденция – сведение в единый логический ряд таких понятий, как «провинциальное», «региональное» и «локальное»; отметим попутно, что в нашей исследовательской практике последнему из названных понятий, наряду с первым, уделено особое внимание [Культурфилософское обоснование... 2014]. Немаловажно и то, что обращение к таким понятиям, как «географическая провинция», с одной стороны, и «провинциальное пространство» – с другой, указывает на семантический диапазон представлений о провинции в конкретном (географическом, ландшафтном) значении и в значении интроверсивного и экстраверсивного психологического, культурфилософского подходов. «Провинциал» читается лишь как указание на место жительства, тогда как «провинциализм» уже понимается в смысле отсталости и косности духа, если угодно, как бытийно негативное понятие.

Мы полагаем значимым обсуждение вопроса о том, насколько сложный корпус выявленных автором настоящей статьи и коллегами-исследователями по Ярославской научной школе ком-

понентов научной метафоры «русская провинция» разнообразно проявляется в текстах культуры, как художественных, так и научных. В данный корпус мы включили как универсально значимые категории «пространство», «время», «личность», «текст», «символ», так и специфически значимые: «хронотоп», «скука» и некоторые др. [Злотникова 2010; Модель культуры... 2013].

В России жизнь, протекающая в провинции (как обычно подчеркивается, вне столиц, в удалении от них, без связи с их культурой), порой откровенно негативно, порой со снисходительными «интонациями» соотносится еще и с особым течением времени: вне представлений о будущем, погруженная лишь в прошлое, в лучшем случае – в настоящее. Традиционная семантическая бинарность «столичное/провинциальное» несет в себе залог разочарованности и несвойственной западной культуре приниженности второго по отношению к первому.

Материальная конкретность, присущая хронотопу русской провинции, воплощается в нескольких феноменах: в природном ландшафте, в религиозных сооружениях, в сельских, прежде всего деревянных архитектурных сооружениях. Однако для современных представлений о провинции наиболее репрезентативным следует признать город, в частности *исторический провинциальный город* [Исторический город... 2010]. Феномен исторического провинциального города России мы интерпретировали и как мифологическую систему, и как макросреду обитания человека/человечества на значительном отрезке исторического пути, и как микросреду, хронотоп которой соизмерим быту и бытию современника, и, наконец, как детерминирующее социокультурное пространство, задающее образовательный модус самореализации личности. Методологическая и тематическая комплементарность уровней моделирования обеспечивает непротиворечивый, но многомысловый образ провинциального города как культурного кода памяти.

Необходимая и активно реализуемая междисциплинарность изучения хронотопа русской провинции применительно к провинциальному городу выявляется отчетливо и последовательно. Мы с несомненностью утверждаем, что в исследованиях провинции как интегрального культурного феномена присутствуют несколько научных дисциплин (называем их без стремления выстроить научный «рейтинг», имея в виду лишь распространенность обращений). Важнейшими аспектами межнаучной интеграции являются герменевтика города (постижение смыслов материальной и нематериальной среды в ее исторической динамике и воплощениях культурной памяти), семиотика города (рассмотрение провинции через систему визуальных знаков и

поведенческих кодов), разумеется, культурная антропология города (жители провинциального города и авторы разнообразных текстов о нем, а также среда обитания во всем ее разнообразии). Особого внимания заслуживает синергетика города, поскольку провинциальная среда, прежде всего городская, предстает как своего рода культурный палимпсест, т.е. порядок, рождающийся из хаоса.

Материальная конкретность провинциальной городской среды решительно выводит исследователей на два круга проблем, содержание которых явно выходит за рамки жизни только провинциального и только исторического города, в силу чего подходы к решению этих проблем имеют шансы быть экстраполированными на изучение среды любого города, имеющего как многообразные, так и скромные культурные традиции, и, соответственно, населенного тем или иным количеством людей. Это, во-первых, *проблема контекста* формирования и актуального существования исторического города (мы называем ее «биография и мифология города») и, во-вторых, *проблема личности*, ее бытия, самосознания, повседневности, даже психофизиологических особенностей жизни (мы обозначаем ее «культурная антропология города»). Таким образом, лицо провинции и «биография» провинциального населенного пункта, в особенности города, – это культурологически осмысливаемая система, в которой равно значимы эффективная образность, вплоть до мифологизации, и скромная повседневность, скромная традиционность и эффективная модерность; иными словами, провинциальность загадочна и странна, а далеко не открыто-простодушна, на что и обращают внимание самые прозорливые исследователи [Бурлина 2016].

От материальной составляющей перейдем к ментальной. *Ментально значимую особенность русской провинции* отметил Бердяев: «С внешней, позитивно-научной точки зрения огромные русские пространства представляются географическим фактом русской истории. Но с более глубокой, внутренней точки зрения сами эти пространства можно рассматривать как внутренний, духовный факт в русской судьбе. Это – география русской души» [Бердяев 1990, 67].

Мы уже не раз отмечали, что психологические и социально-политические приоритеты провинции строятся на сочетании обыденного и, на первый взгляд, простодушного начала с началом возвышенным, приподнято-образным, страстным и претендующим на уникальную значимость. Так называемые местные мифы, основанные на деформации значения (идеализации) конкретных персон и событий, создаются на контрасте пафоса и прагматизма, опасливой замкнутости и удалой открытости миру. Известное ме-

тафорическое понятие «чухлома», воплощающее представление о замшелой костности, контрастирует со страстью к «перемене мест» и при этом напоминает о теплом родовом гнезде, из которого не так-то просто выбраться к «другим берегам». Трогательная и опасливая замкнутость в сочетании с наивной жадной открытости – это ментальный парадокс русской провинции. Сочетание высокого и обыденного, странного и объяснимого простыми причинно-следственными связями, поиска и обретения, универсального и специфического представляется комплексным обоснование представления Н. Бердяева о том, что «провинциализм есть другая метафизика жизни» [Бердяев 1990, 74].

Русский человек-провинциал может и должен быть соотнесен с многократно раскритикованным и недостаточно оцененным в своей небытовой, философско-антропологической семантике понятием «мещанин», которое в исследовании В. Даля [Даль 1955, 373] вовсе не имело привычных с советского времени негативных коннотаций. Производимое от «места» (ассоциирующегося с простором и ширью, а также пустотой) понятие «мещанин», созвучное понятию «провинциал», соответствует простому жителю определенного места, в том числе труженику-ремесленнику, человеку с существенным творческим потенциалом. Полагаем, что такой вариант избавления от стереотипа «провинциала» не лишен смысла и при этом нетривиален.

Обозначим кратко выявленные нами в своих исследованиях ипостаси русского провинциала, такие как «человек скучающий», «человек творящий», «человек, отступающий от правил/маргинал».

Человек скучающий. Мотив скуки как следствия и маркера духа провинциальности был характерен для множества представителей русской культуры. Мотив скуки, то активно вторгающийся, то мерцающий на фоне множества художественных текстов (М. Салтыков-Щедрин, И. Тургенев, Н. Некрасов, И. Гончаров, А. Островский, Л. Толстой, Н. Лесков, ранее – А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Гоголь, позднее – А. Чехов, М. Горький), подчеркивал абсурдистский дискурс русской классической культуры, которая, в принципе, вся построена вокруг провинциального бытия и провинциального быта. Именно этот всеобщий характер русской провинциальности нашел резонанс и в философских рассуждениях, стоящих на грани с лирическими высказываниями: у В. Розанова, у Н. Бердяева у В. Соловьева. В частности, В. Соловьеву мотив скуки как парадигмы провинциальной жизни видится антитезой «исчезающих иллюзий», выражением неосознанности жизненной цели [Соловьев 1988, 140].

Человек творящий – это особый культурно-антропологический и социально-психологический феномен, который в России весьма активно и в значительном количестве жизненных ситуаций связан с провинцией. Не говоря уже о том, что в провинциальных усадьбах жили с семьями и подолгу работали русские писатели, будь то Л. Толстой или страстно мечтавший об усадьбе, в которой, пусть ненадолго, поселился, А. Чехов. В усадьбах жили и русские художники, такие как И. Репин или целая группа уже не гостей, а постоянных обитателей Абрамцева. Не говоря о мотивах провинциальной природы, провинциальных взаимоотношений (напомним о провинциально-столичном контрасте у Пушкина в «Евгении Онегине»), обратим внимание на самосознание тех творцов, которые были и являются постоянными жителями, а не гостями провинции.

Отметим важную особенность представления о творце в провинции: уровень признания творца местными жителями вне зависимости от его общероссийской значимости весьма разнообразен, от обожествления (в Ярославле – актер Ф. Волков, в меньшей степени поэт Н. Некрасов) до признания чудаковатости как главной личностной особенности. При этом нет такого региона, города, даже и села, где существовал бы «гений места».

Назовем некоторых значимых для одной конкретной части русской провинции, а именно Ярославской губернии/области, персон, известность которых в общероссийском масштабе не является общепризнанной.

Одна такая персона – публицист-сатирик, краевед *Л. Трефолев* (1839–1905). Служа в достаточно скромных региональных структурах, связанных с сохранением документации, работая на весьма скромных чиновничьих должностях, как мы бы сказали сегодня (в частности, это была Ярославская губернская ученая архивная комиссия), Трефолев на самом деле все время наблюдал за жизнью и постоянно беспокоился о качестве этой жизни. Его волновала и ощущалась им как чрезвычайно острая проблема разворовывания не чьего бы то ни было богатства, а страны как таковой. Российская ситуация постоянно взыскует сатирического и – шире – критического анализа жизненных реалий, экономики, нравственности. Он был человеком, который чувствовал *российскую боль*. И в связи с российской «болью» стоит привести фразу из финала «Няниных сказок», которую, если бы Трефолев стал брендом Ярославля, можно было бы прикрепить рядом с адресными табличками на всех перекрестках города, где жил этот социально активный провинциал. Парадоксально по отношению ко всем описанным по ходу стихотворения ужасам (Баба-Яга развозит в ступе голод и холод) возникает призыв-надежда и призыв-

безнадежность: «Марья-царевна, свобода святая, Зорюшка наша! Да где же ты? Где ты?» [Трефолев 2015, 81].

Вторая персона – поэт *К. Васильев* (1955–2001), провинциал по месту рождения и по складу мыслей, по мироощущению. Ощущая себя маргиналом и формулируя это (один из его текстов так и назывался – «Маргиналии»), творец-провинциал проявлял мизантропию, называя элиту, чужую, явно столичную, маргиналами. «Поэтическая душа» не только негодовала, но откровенно злилась, удаляясь от приятия мира (в молодости, когда писал: «Под соснами – матовый снег, // и мох малахитовый – мяжок») (Васильев 2003, 99). Место обитания, а это был даже не Ярославль, а поселок Борисолебский, воспринималось как клетка, а все, кто рядом или за рамками клетки, общения недостойны, единомышленников можно искать только «далеко» и «давно».

Третья персона – здравствующий, старейший в регионе журналист, фотограф, летописец своей провинции на протяжении нескольких десятилетий XX и начала XXI вв., которого мы назвали типичным «передвижником», *Ю. Барышев*. Это патриот провинции, где прожил жизнь, фотографируя официальных лиц, землячку-космонавта В. Терешкову, вернувшегося в Россию из эмиграции писателя А. Солженицына; этой провинции повезло со своим обитателем. Он выразил едва ли не идеальное отношение провинциальна к жизни, ее месту и его людям: спокойное, но не равнодушное; живое, но не истеричное; активное, но не назойливое; ироничное, но не ерническое; заинтересованное, но не безразличное.

И позитивный жизненный опыт провинциалов, и их негативный опыт приводит к пониманию того, что творческая личность, «приписанная» к провинции и как житель, и как автор художественно-образного осмысления ее бытия, отличается характерным психоэмоциональным комплексом, вырабатываемым замкнутым существованием, к тому же изолированным от крупных цивилизационных фракталов. Самоощущение, включающее представления о недостаточной реализованности, о малом объеме перспектив и возможностей даже в эпоху Интернета, не исчезает. Малые социально-экономические возможности (издательские, выставочные) порождают стойкую меланхолию, а известные еще по реплике Н. Бердяева «пространства», отторгающие жизненные реалии одних людей от реалий других, формируют интроверсию. Стоит ли при этом удивляться тому, что провинциал-творец, провинциал-интеллигент, даже успешный и широко известный за пределами постоянного места жительства, гордо позиционирует себя как маргинала?

Да, приходится признать и необходимо еще специально анализировать представление о том, что творческая личность и маргинал – это характерная для провинции семантическая пара, которую нельзя назвать бинарной оппозицией в силу глубокого взаимного проникновения интенций и обыденных проявлений одного (творца) и другого (маргинала).

Человек, отступающий от правил/маргинал – это также русский провинциал. Его личность воплощает глубоко противоречивые духовные основы, характерные для российской традиции.

Резюме о культурных смыслах русской провинции

Русская провинция просторна и тесна, богата и бедна, открыта и таинственна. Мы полагаем, что русская провинция приобрела качество сложного художественного образа и, как мы указывали ранее, философской метафоры. Это является следствием того, что русская провинция принципиально негомогенна как в прошлом, так и в настоящем.

Насыщенность противоречивыми оценками и страстными эмоциями, многообразие деталей, человеческих характеров и жизненных коллизий превратили русскую провинцию в своего рода метафору.

По аналогии с известным парадоксальным словосочетанием Вл. Соловьева («русский европеец») к существительному «провинция» неотъемлемо присоединяется прилагательное «русская». Как столица не может восприниматься идеальным топосом по отношению к провинции, так Европа – по отношению к России. Мысль Н. Бердяева строга и критична: «Европа не есть идеал культуры вообще, Европа сама провинциальна» [Бердяев 1990, 127]. Следовательно, русская провинция в ее консервативности и динамичности – это неиссякаемый источник культурных смыслов и зыскующий интереса объект изучения.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бердяев 1990 – *Бердяев Н.А.* Судьба России. – М.: Советский писатель, 1990.

Бурлина 2016 – *Бурлина Е.Я., Илвицкая Л.Г., Кузовенкова Ю.А., Голубинов Я.А., Барбошина Н.В., Шиллинг Е.* Хронотопия города: монография. В 2 т. – Самара: Книжное издательство, 2016.

Васильев 2003 – *Васильев К.В.* Избранное. Книга стихов и эссе. – Ярославль: Ньюанс, 2003.

Воронина 2016 – *Воронина Н.И.* Хронотоп моей судьбы. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016.

Даль 1955 – *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Том II. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.

Злотникова 2010 – *Злотникова Т.С.* Провинциальная культура как объект прикладной культурологии // *Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований* / под ред. И.М. Быховской. – М.: Смысл, 2010. С. 427–438.

Злотникова, Летина, Ерохина, Киященко 2014 – *Злотникова Т.С., Летина Н.Н., Ерохина Т.И., Киященко Л.П.* Русская провинция в философском дискурсе: концептуализация метафоры // *Вопросы философии*. 2014. № 11. С. 125–136.

Исторический город... 2010 – *Исторический город русской провинции как культурный универсум* / науч. ред. Т.С. Злотникова, М.В. Новиков, Н.А. Дидковская, Т.И. Ерохина. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010.

Культурфилософское обоснование... 2014 – *Культурфилософское обоснование трансформаций российского опыта в контексте взаимодействия глобального и локального* / под науч. ред. М.В. Новикова, Т.С. Злотниковой, Т.И. Ерохиной. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2014.

Мир русской провинции... 1997 – *Мир русской провинции и провинциальная культура*. – С-Пб: Дмитрий Буланин, 1997.

Модель культуры... 2013 – *Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах: коллективная монография* / под науч. ред. Т.С. Злотниковой, Т.И. Ерохиной, Н.Н. Летиной, М.В. Новикова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013.

Пермиловская 2013 – *Пермиловская А.Б.* Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. – Екатеринбург; Архангельск; Ярославль: Правда Севера, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2013.

Соллогуб 1991 – *Соллогуб В.А.* Симбирский театр // *Русский театральный фельетон*. – М.: Искусство, 1991.

Соловьев 1988 – *Соловьев В.С.* Философские начала цельного знания // *Соловьев В.С.* Соч.: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1988. С. 140–288.

Тихонова 2019 – *Тихонова А.Ю.* Культурное наследие провинции: история становления и сохранения // *Ярославский педагогический вестник*. 2019. № 5. С. 193–201.

Трефолов 2015 – *Трефолов Л.Н.* Собрание сочинений. – М.: Директ-Медиа, 2015.

REFERENCES

Berdyayev N.A. (1990) *Destiny of Russia*. Moscow: Soviet writer (in Russian).

Burlina E.Y., Pivitsky L.G., Kuzovenkova Y.A., Golubinov Y.A., Barbashina N.V., & Schilling E. (2016) *The Chronotopia of City*. Samara: Knizhnoye izdatel'stvo (in Russian).

Dal' V. (1955) *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries (in Russian).

Novikov M.V., Zlotnikov T.S., & Erokhina T.I. (Eds.) (2014) *Cultural and Philosophical Substantiation of Transformations of the Russian Experience in the Context of Interaction of Global and Local*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University Press (in Russian).

Permilovskaya A.B. (2013) *Cultural Meanings of Folk Architecture of the Russian North*. Arkhangelsk: Pravda severa; Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University Press (in Russian).

Sollogub V. A. (1991) Simbirsk Theatre. In: *Russian Theatrical Feuilleton*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Solovyov V.S. (1988) Philosophical Principles of Integral Knowledge. In: Solovyov V.S. *Works in 2 Vols.* (Vol. 2, pp. 140–288). Moscow: Mysl' (in Russian).

Sternin G.Y. (Ed.) (1997) *The World of Russian Provinces and Provincial Culture*. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin (in Russian).

Tikhonova A.Y. (2019) Cultural Heritage of the Province: The History of Formation and Preservation. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2019. No. 5, pp. 193–201 (in Russian).

Trefolev L.N. (2015) *Collected Works*. Moscow: Direct-Media (in Russian).

Vasilyev K.V. (2003) *Selected. Book of Verses and Essays*. Yaroslavl: Nuance (in Russian).

Voronina N.I. (2016) *The Chronotope of My Destiny*. Saransk: Mordovia University Press (in Russian).

Zlotnikova T.S. (2010) Provincial Culture as an Object of Applied Cultural Studies. In: Bykhovskaya I.M. (Ed.) *Cultural Studies: Fundamental Bases of Applied Research* (pp. 427–438). Moscow: Smysl (in Russian).

Zlotnikova T.S., Erokhina T.I., Letina N.N., & Novikov M.V. (Eds.) (2013) *Model of Culture of the Russian Province in Authentic, Historical-Typological and Globalization Discourses*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University Press (in Russian).

Zlotnikova T.S., Letina N.N., Erokhina T.I., & Kiyashchenko L.P. (2014) The Russian Province in Philosophical Discourse: Conceptualization of Metaphor. *Voprosy filosofii*. 2014. No. 11, pp. 125–136 (in Russian).

Zlotnikova T.S., Novikov M.V., Didkovskaya N.A., & Erokhina T.I. (Eds.) (2010) *Historical City of the Russian Province as a Cultural University*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University Press (in Russian).

DOI:

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Выход в город и хронотопия: история, повседневность, будущее

Е.Я. Бурлина

Самарский государственный медицинский университет,
Самара, Россия

Н.В. Барабошина

Самарский государственный медицинский университет,
Самара, Россия

Л.Г. Иливицкая

Самарский государственный медицинский университет,
Самара, Россия

Аннотация

В статье анализируется междисциплинарная методология исследования города в границах философско-культурологического подхода. Утверждается, что в настоящее время наряду с социологическим, экономическим и др. подходами к интерпретации города особую актуальность приобретает его культурно-философская диагностика. Она сочетает в себе как теоретические вопросы, так и их практическую направленность. Выдвигается обоснование перспектив и границ философско-культурологического анализа города, а также общее понятие «хронотопия». Понятие «хронотопа», опирающееся на М.М. Бахтина и его последователей, чаще всего трактуется как инструмент для анализа художественной литературы. По мнению авторов, пространственно-временная диагностика города также имеет значительный теоретический и практический потенциал. Анализируются многочисленные художественные и философские тексты, исследующие константы и эволюцию «души города» (Н.П. Анциферов, И.М. Гревс, Ю.М. Лотман, М.С. Каган, И.И. Митин – «палимпсест города», а также зарубежные ученые – Ю. Слэзкин, К. Шлёгел, исследующие хронотоп советские города). Представлены и другие современные исследователи, которые непосредственно сотрудничали с авторами данной статьи в совместных городских проектах: М. Головановская («синтаксис» городских площадей); «уральская матрица» (А. Иванов, И. Лисовец, Е. Трубина), хронотоп малого израильского города (Е. Римон), хронотопы Стэнфорда (Дж. Бендер, Д.А. Веллберу). Авторы дела-

ют вывод, что «хронотопия города» – трансдисциплинарное направление в культурно-философских исследованиях города. Оно объединяет теорию, практические исследования городских хронотопов и диагностику. Поскольку город, как любой феномен культуры, разворачивается в сетке пространственно-временных координат, то хронотоп может быть признан базовым инструментом для его философско-культурологической интерпретации. В статье обосновываются практические модулы применения «хронотопии» к анализу города: хронотопы прошлого и повседневности в городах определенных типов; стратегические возможности анализа хронотопов данного города.

Ключевые слова: город, хронотоп, пространство, время, хронотопия, урбанистика, культурно-философский поворот.

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета.

bis17@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4303-2905>

Барабوشина Наталья Владимировна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета.

baraboshina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2312-9571>

Иливицкая Лариса Геннадьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета.

laraili@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3339-9946>

Для цитирования: Бурлина Е.Я., Барабوشина Н.В., Иливицкая Л.Г. Выход в город и хронотопия: история, повседневность, будущее // Философские науки. 2019. Т. 62. № 11. С. . DOI:

Exit to the city and Chronotopia: History, Everyday Life, Future

E. Y. Burlina

Samara State Medical University, Samara, Russia

N. V. Baraboshina

Samara State Medical University, Samara, Russia

L. G. Ilivitskaya

Samara State Medical University, Samara, Russia

Abstract

The article analyzes the interdisciplinary methodology of city research within the philosophical and cultural approach. It is alleged that at present there are both sociological and economic studies. approaches to the interpretation of the city of particular relevance to its cultural and philosophical diagnosis. It combines both theoretical issues and their practical focus. You must also justify the perspective and boundaries of the philosophical and cultural analysis of the city, as well as the general concept of chronotopia. The concept of chronotope, based on M. M. Bakhtin and his followers are most often used as a tool for the analysis of fiction. According to the authors, the spatio-temporal diagnostics of the city also has significant theoretical and practical potential. Numerous literary and philosophical texts analyzing the constants and evolution of the “soul of the city” are analyzed (N.P. Antsiferov, I.M. Grevs, Y.M. Lotman, M.S. Kagan, I.I. Mitin – “city palimpsest” as well as foreign scientists – Y. Slezkin, K. Schlegel, exploring the chronotope of Soviet cities). Other modern Russian and foreign researchers who directly collaborated with the authors of this article in joint urban projects are represented: M. Golovanivskaya (“syntax” of urban squares); “Ural matrix” (A. Ivanov, I. Lisovets, E. Trubina), chronotope of a small Israeli city (E. Rimon), Stanford chronotopes (J. Bender, D.A. Wellberu). Since the city, like any cultural phenomenon, unfolds in a grid of spatio-temporal coordinates, the chronotope can be recognized as the basic tool for its philosophical and cultural interpretation. The article substantiates the practical modes of applying «chronotopia» to the analysis of the city: chronotopes of the past and everyday life in cities of certain types; strategic opportunities and boundaries of the chronotopes of a given city. The authots concludes that “chronotopy of the city” – theory, methodology and diagnostics – a transdisciplinary direction in the cultural and philosophical studies of the city.

Keywords: city, chronotope, space, time, chronotopia, urbanism, cultural and philosophical turn

Elena Y. Burlina – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Culturology of the Samara State Medical University.

bis17@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4303-2905>

Natalia V. Baraboshina – Ph.D., assistant professor of philosophy and Cultural Studies Department of the Samara State Medical University.

baraboshina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2312-9571>

Larisa G. Iivitskaya – Ph.D. – assistant professor of philosophy and Cultural Studies Department of the Samara State Medical University.

laraili@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3339-9946>

For citation: Burlina E.Y., Baraboshina N.V., & Iivitskaya L.G. (2019) Exit to the city and Chronotopia: History, Everyday Life, Future. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 11, pp. . DOI:

Введение

Город, городской образ жизни, городская повседневность – в настоящее время это одна из самых востребованных междисциплинарных тем как зарубежной, так и отечественной философско-культурологической мысли. Сейчас практически ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что город – это феномен, с которым неразрывно связано предшествующее и дальнейшее накопление цивилизационного и культурного опыта человечества. Как поэтично отметил В.Л. Глазычев, «уже к началу XX века, когда умер Поль Гоген, искавший «естественного человека» на Таити и Соломоновых островах Океании, и тем более с середины этого века, когда Тур Хейердал, окончив университет, сделал еще одну попытку жить «естественной» жизнью на тропическом острове Муруроа, стало ясно: иного мира, кроме мира городской культуры, нам не дано» [Глазычев 1984, 180]. О преобладании городского образа жизни в современной культуре наглядно свидетельствуют и данные статистики, фиксирующие ежегодный прирост городского населения. Более того, по прогнозам экспертов, данная тенденция представляет собой устойчивый футурологический тренд. По подсчетам, в среднем число городских жителей в ближайшем будущем будет увеличиваться примерно на 65 млн человек в год [Щербакова 2012].

Рост количества и размера самих городов, распространение городского образа жизни выступает мощным катализатором увеличения интереса к городской проблематике и расширения ее исследовательского поля. Сегодня уже можно говорить об особой научной сфере, обозначаемой как Urban studies. Это меж-

дисциплинарная исследовательская сфера с доминированием философско-культурологических подходов. Объектом изучения являются современные городские феномены и процессы, а также городские культуры и субкультуры прошлого. Доминирующим предметом исследования, по нашему мнению, становится полифония городских пространств [Полифония... 2014], городской памяти и городских стратегий развития.

Следовало бы кратко структурировать научный дискурс о городе с момента его возникновения и до настоящего времени. На первых этапах он характеризовался многочисленными социогуманитарными трактовками города. Так, в начале XX в. пионеры городских исследований М. Вебер, Ф. Теннис, Г. Зиммель, Р. Парк, Э. Бёрджесс, Л. Вирт рассматривали город преимущественно в рамках социологической проблематики, исследуя локальные городские сообщества, социализацию личности, социальные патологии в городской среде и т.п. Концепт «городской образ жизни» раскрывался через специфику социальных взаимодействий: взаимопересекающихся сфер труда, коммуникации, творчества, политической активности.

Конец XX в. ознаменовался всплеском информационно-экономических стимулов жизни, повлиявших на кардинальные трансформации городов в мегаполисы. Данный интерес получил свое теоретическое воплощение в концепциях «креативного города», «умного города» (smart city), «глобального города». Концепт «креативный город» предполагает, что основой для разворачивания городского пространства выступают те возможности, которые оно предоставляет для развития творчества и самореализации. Креативный класс и креативные пространства представляют собой базовые элементы данного типа города. Теории «глобального города» концентрируют свое внимание на процессе интеграции городов в глобальную экономику, рассматривая их прежде всего как значимый элемент мировой экономической системы. В последнее время большое распространение получили попытки оценить город с помощью концепта «умный город», предполагающего интеллектуальную модернизацию различных структур городской жизни (экономика, транспорт, управление, жилищно-коммунальное хозяйство, городская среда и инфраструктура и т.д.) на основе информационных технологий и цифровизации.

В то же время сегодня в разноаспектных городских исследованиях все отчетливее просматривается запрос на философско-культурологический подход к изучению города, за которым видится значительный эвристический потенциал, позволяющий понять макро- и микропроцессы, обуславливающие трансформации современного города, осознать перспективы его дальнейшего развития и роста. Так, А. Аузан отмечает, что «культура меняет нашу жизнь, но не детерминирует. Она воздействует на экономику через издержки социального трения, может тормозить ее или ускорять, через нее можно влиять на общее развитие. Культура, как и любое явление нашей жизни, имеет свойства, которые нам могут в чем-то мешать или, наоборот, двигать нас вперед» [Аузан 2016].

Предметом настоящей статьи является выявление специфики и значения культурно-философского поворота в современной урбанистике, его ориентированности на диагностику города в контексте истории, повседневности, будущего.

Хронотоп как «ключ» к пониманию города

Отечественная урбанистическая традиция изначально имела в своих основаниях философско-культурологический ракурс исследования. В работах патриархов отечественного краеведения И.М. Гревса и Н.П. Анциферова город осмысливается как живое существо, имеющее собственную неповторимую душу и обладающее ценностно-смысловой энергией, определяющей его основные культурные формы [Анциферов и др. 1926, 13]. Для И.М. Гревса город – это культурное пространство, где в концентрированном виде сохраняется историческое время. «Города – это и лаборатории, и приемники, хранители культуры, и высшие показатели цивилизованности. В них происходит сгущение культурных процессов, насыщение их результатов» [Гревс 1921, 21]. С точки зрения Н.П. Анциферова, города представляют собой «...центры тяготения разнообразных сил, которыми живет человеческое общество. В городах зародилась все возрастающая динамика исторического развития. Через них совершается раскрытие культурных форм» [Анциферов 1926, 3]. Именно в органической связи места и времени город раскрывает собственную душу.

В этой связи пространство и время как хронотоп мыслятся теми базовыми характеристиками города, которые, будучи,

имманентно включенными в его бытие, могут быть положены в основу культурно-философской диагностики смыслов и состояний городской реальности.

М.М. Бахтин, благодаря которому понятие хронотопа вошло в гуманитаристику, трактует его как один из главных инструментов анализа реальности художественного произведения. Именно в хронотопе фиксируется «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений» [Бахтин 1975, 234]. Причем, согласно М.М. Бахтину, эта взаимосвязь не является формальной, ее содержание носит культурно-исторический, ценностно-смысловой характер, что позволяет открывать новые грани отношений между человеком и культурой, закрепленные в пространственно-временных представлениях и образах. Тем самым М.М. Бахтиным обосновывается методологический потенциал хронотопа как «ключа» к пониманию сути не только художественного текста, но и реальной жизни.

Отметим специально, что названные трансдисциплинарные открытия, совершенные еще в начале XX столетия, – исследование хронотопа городов как культурно-философских смыслов – воспринимаются и сегодня как исключительно актуальные не только у себя на Родине, но и за рубежом. Сошлемся на фундаментальные работы выдающегося немецкого ученого Карла Шлэгеля, которого называют иконой современной гуманитаристики. Изучая советское пространство и созданные в нем города, К. Шлэгель посвящает вводную главу своего капитального труда методологии И.М. Гревса, Н.П. Анциферова, М.М. Бахтина [Schlögel 2017].

В настоящее время хронотоп как методологический принцип, как инструмент междисциплинарной диагностики приобретает особую актуальность, Он фигурирует одновременно и как характеристика локального пространства, и как кристаллизация исторических и глобальных смыслов времени. Сошлемся лишь на часть работ российских ученых, изданных за последние несколько лет, в которых на различном материале представлены исследовательские и диагностические возможности хронотопа. Речь идет о книге Т.С. Злотниковой «Человек. Хронотоп. Культура» [Злотникова 2011], где данная проблематика раскрывается в философско-культурологическом аспекте; статьях О.Г. Ревзиной, в которых осуществлен синтез филологического анализа текстов и подходов философии культуры

[Ревзина 2006]; диссертационном исследовании Н.Н. Летиной [Летина 2009], посвященном концепту «хронотоп рубежей», обуславливающему специфику того или иного типа культуры; научно-биографических изысканиях Н.И. Ворониной о жизни и творчестве М.М. Бахтина в Саранске [Воронина 2015].

В работах зарубежных исследователей в историческом разрезе методологические возможности хронотопа показаны Ю. Слэзкин, раскрывающим смыслы времени через конкретную повседневность (дом, его жильцы и судьбы) [Слезкин 2019]; К. Шлегелем, строящим свои исследования на типовых советских хронотопах: от «коммуналки», «дачи», «барахолки» до «великих строек советского века» – Днепрогэса, Магнитогорска и др. [Schlögel 2017].

Современное поле городских исследований по-разному актуализирует идею пространства-времени. Так, писатель и культуролог А.В. Иванов вводит понятие «уральская матрица», подчеркивая особую семантическую наполненность времени/пространства за Камнем (Уральскими горами) с наслоившимися друг на друга язычеством, горнозаводской цивилизацией, эпохой «дикого счастья» 90-ых [Иванов 2010].

И.И. Митин предлагает модель города как палимпсеста, в котором место (город) предстает как «интертекст», сочетание различных наслоений, различающихся по времени создания и сохранности. С его точки зрения, «в основе мифогеографической модели палимпсеста – представление о множественности интерпретаций каждого места. В процессе бесконечного семиозиса пространственных мифов (бесконечной интерпретации, описании, анализе представлений) создается множество реальностей одного места. Происходит семиотическое переосмысление (новое означивание) свойств места и/или его уже созданных интерпретаций при сохранении прежних» [Митин 2014, 150].

Западные философы и культурологи также разрабатывают похожие концепты, в связи с чем мы уже ссылались выше на работы Ю. Слэзкина и К. Шлэгеля. Обратим внимание и на трансдисциплинарные подходы М. Фуко и американских урбанистов Э. Соджа и Д. Харви.

В 1984 г. М. Фуко публикует небольшую статью «Другие пространства», в которой обосновывает понятие «гетеротопия» [Фуко 2006]. Ключевым тезисом М. Фуко стала идея времени: «Мы живем в пору, когда мир, по-моему, ощущается

не столько как великая жизнь, что развивается, проходя сквозь время, сколько как сеть, связывающая между собою точки и перекрещивающая нити своего клубка. Может быть, можно сказать, что многие из идеологических конфликтов одушевляют сегодняшнюю полемику, разворачиваются между благочестивыми потомками времени и остервенелыми обитателями пространства» [Фуко 2006, 191]. В работе М. Фуко время и пространство оказываются тесно связанными. Время является репрезентантом пространства. Оно приобретает личностный характер, т.к. выступает не в своей исторической ипостаси (хотя ей и не противостоит), а задается взглядом и отношением личности. Оно предстает как своеобразный механизм защиты человека и его жизненного мира от прогрессивного поступательного движения истории, способом сохранения собственной целостности и определения идентичности.

Сходным образом рассматривают город американские урбанисты Э. Соджа и Д. Харви. Для них это не только пространственный, но и временной объект: хранение времени, создание истории, обретение памяти, конструирование имиджа. Э. Соджа в работе «Метрополис» пишет: «каждое место по крайней мере символически претендует на то, чтобы быть городом, а процесс урбанизации осязаемо прерывист и неупорядочен» [Soja 1989, 191]. Д. Харви, характеризуя город, видит в нем определенный момент «постоянства», который фиксируется в потоке непрерывно трансформирующегося пространственно-временного континуума. Это город-калейдоскоп, каждая грань которого определяет социокультурную специфику, создает культурную среду [Harvey 1989, 123].

Можно констатировать, что российские и зарубежные школы осознают огромный научный потенциал пространства, времени, хронотопа как диагностических инструментов.

Хронотопия как пространственно-временная диагностика города

Авторы данной статьи в течение ряда лет продвигают собственную модель пространственно-временной диагностики города. Можно проследить складывание методологии хронотопирования (пространственно-временного моделирования городов) как в диссертационных исследованиях Ю.А. Кузовенковой [Кузовенкова 2009], Л.Г. Иливицкой [Иливицкая 2011],

Н.В. Барабошиной [Барабошина 2013], Д.С. Бокурадзе [Бокурадзе 2015], Е.А. Гранкиной [Гранкина 2016], так и в публикациях. Сошлемся лишь на некоторые из них.

В 2012 г. в рамках гранта РГНФ (проект № 12-13-63501) был опубликован двухтомный альманах «Город и время» [Город... 2012]. Его сквозной темой, которая позволила объединить на своих страницах представителей различных гуманитарных дисциплин (философии, культурологии, социологии и др.) из разных российских и зарубежных городов, стала тема образа города, рассмотренная в локальном и глобальном, историческом и современном контексте. Очерчивая временные трансформации образа того или иного города, раскрывая влияние городских имиджей на содержание идентификационных процессов, авторы альманаха отмечали актуальность и перспективность темпорального подхода для городских исследований.

Продолжением проекта стал подготовленный в 2014 г. двухтомный альманах «Полифония городских пространств», где было представлено комплексное исследование города на основании пространственно-временных «срезов» городской реальности, фиксируемых через культурные смыслы городских поселений, находящихся в ситуации полифонии, многоголосия [Полифония... 2014]. Авторы альманаха фиксируют «поворот к пространству» в качестве базового стержня изучения городских трансформаций. Пространство городской жизни предложено рассмотреть как «публичное пространство», «пространство частной жизни», «жизненное пространство», «социокультурный локус региона», «пространство культурного пограничья», «культурный ландшафт». Авторы предлагают вариант построения культурной типологии российских городов – крупных индустриальных центров на Волге и на Урале, обозначают как отдельные типы столичные и нестоличные (провинциальные) города, анализируют специфику их хронотопов.

Решению междисциплинарных и трансдисциплинарных проблем города был посвящен третий научно-исследовательский альманах «Пространственно-временная диагностика города», опубликованный в 2015 г. в рамках гранта РГНФ (проект № 140300036). На страницах альманаха предпринята попытка рассмотреть эволюцию ключевых смыслов столичных городов, а также тех городов, которые в условиях современных

культурных трансформаций претендуют на статус «третьих столиц»: Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Казани, Самары, Перми. Пространство «городской сцены» было осмыслено в качестве площадки для креативных художественных практик, рассмотрены способы участия горожан в деле модификации и осмысления привычных городских пространств. В альманахе «Город как сцена» были собраны работы более 50 авторов из России, Украины, Германии, Израиля, Франции. Причем в сфере интересов оказались не только крупные города – столицы и региональные центры, но и малые провинциальные города с различной культурной судьбой. Например, исследование хронотопа города Бузулука – типичного малого города, чьи пространственно-временные координаты представляют собой основу для раскрытия специфических характеристик «убывающего города» и бытия человека в нем как «бегства из города». Или, наоборот, культурное переформатирование промышленного города-спутника Самары – Новокуйбышевска, в котором небольшой театр воссоздает город в новых перспективных культурных координатах.

В 2016 г. в коллективной монографии «Хронотопия города» [Бурлина и др. 2016] в наиболее завершенном виде была представлена теория и методология пространственно-временной диагностики – хронотопии города.

Авторская гипотеза состоит в том, что город несет в себе множество разных хронотопов, сложившихся исторически, представляющих районирование города. Отсюда базовая модель города как полифонии разных времен, как палимпсеста и хронотопии.

Анализ смыслов пространства-времени (хронотопа и хронотопов) позволяют предопределить многослойную и полифоничную культурную матрицу города, диагностировать смыслы городских трансформаций, интерпретировать разные темпоральные модели, вплоть до бюджетов времени городского обывателя. Использование хронотопа и хронотопии как инструментария городских исследований предполагает качественные интерпретационные методы анализа пространства и времени города, позволяет приблизить фундаментальные положения науки к практике городских инноваций, построению имиджа эффективного городского поселения, брэндингу территорий.

Хронотоп, выступая базовым инструментом пространственно-временной диагностики города, является своего рода «чипом», позволяющим «считывать» различные его состояния. Хронотопия города трактуется нами как «специфическое образование, в котором зафиксированы пространственно-временные координаты и их культурные смыслы» [Бурлина и др. 2016, 79]. Изучение хронотопов конкретного типа городского поселения позволяет зафиксировать в одной «связке» доминирующие городские смыслы, историческую и средовую детерминации; институциональность и человеческий потенциал; увидеть город как системное единство, обладающее особой структурой, определенными элементами однородности и одновременно многомерности; создать его связную модель для сопоставления с другими городами. Напластования городских хронотопов позволяют задать новую типологию городов, основанную не на формальном признаке численности населения (большой, средний, малый), но на понимании уникальности, изменчивости, подвижности городского пространства-времени.

Методология хронотопии базируется на том, что сущность и содержание города может быть исследовано через призму базовых инвариантов хронотопа, связывающих воедино темпорально-топосные и смысловые критерии и позволяющих типизировать городское пространство.

Историко-бытийный хронотоп несет в себе специфику места и времени зарождения города. В сознании горожанина он связан с основными культурными эпохами, историческими свидетельствами прошлого, «местами памяти», которые во многом определяют образ города на разных этапах его развития. Следует отметить, что историко-бытийный хронотоп не коррелирует с понятием «исторический город». Понятие исторического города прежде всего определяется через суммативно-дифференцированные описательные характеристики, город рассматривается с позиций временного «стажа» поселения, комплекса «национального достояния», что не позволяет выявить культурную значимость данного феномена в целом. Историко-бытийный хронотоп фиксирует ценностные установки жителей по отношению к городской среде, понимание своего города как целостной смысловой конструкции, прошедшей отбор прошлым города, опробованной настоящим и имеющей перспективу в будущем. Историко-бытийный хро-

нотоп предполагает гармоничную идентификацию человека и места. Нам представляется важным определять историко-бытийный хронотоп как ментально зафиксированное время-пространство зарождения и истории становления «особой души» [Гревс 1921, 22] места, которая детерминирует особенности и поддерживает границы городского сообщества, определяет поведенческие практики горожан, находит свое отражение в реальных городских структурах. Соглашаясь с Н.П. Анциферовым, мы полагаем, что город можно считать городом только тогда, когда он отмечен «печатью времени», является подлинным свидетельством «связи времен», «застывшей историей», именно тогда городской ландшафт обладает особой силой притяжения и ощущения города как своего места, родного, обжитого с незапамятных времен близкого пространства, которое нельзя не любить, нельзя разрушить, нельзя забыть. [Анциферов, Анциферов 1926, 25].

Профанный хронотоп предполагает диагностику повседневной жизни города с точки зрения качества и удобства городской среды, повседневных утилитарных маршрутов горожан и их житейских практик. А. Лефевр считал повседневность главным углом зрения, под которым следует рассматривать город. Именно повседневные практики образуют «живой» город во всей своей полноте: «В легендарном, монструозном городе каждый имеет некий свой путь (из квартиры в школу, контору, на фабрику) и не слишком хорошо знаком с остальным. Эти знакомые путешествия составляют часть повседневной, практичной и обнадеживающей, но более ограниченной в сравнении со старой общинной жизнью» [Лефевр 2008, 143].

Время профанного хронотопа – это время рутинное, повседневное, повторяемое, цикличное и т.д. Оно характеризуется заданной временной продолжительностью различных моментов повседневной жизни, одинаковостью, отсутствием разнообразия – распорядком дня, рабочими маршрутами, обеденными перерывами и графиками движения общественного транспорта. Для этого времени характерен определенный ритм и последовательность событий. Город как профанное пространство, будучи тесно связанным с ежедневными утилитарными практиками горожан, фрагментируется, делится на отдельные разрозненные функциональные зоны, присутствие в которых характеризуется временем пребывания, моментом их

актуальности в зависимости от дня или недели, уровнем востребованности. Причем следует отметить, что места памяти, представляющие ценность с позиции исторического хронотопа, здесь утрачивают свое значение: они либо отсутствуют на «ментальной карте» города, либо им приписываются иные смыслы: места молодежных тусовок, рекреационные зоны, знаки остановок транспорта и дорожных развязок. Таким образом, профанный хронотоп фиксирует городское пространство через то его смысловое наполнение, которое задано пространственно-временной организацией повседневной жизни, наложенной на городскую структуру.

Современный город неизбежно пронизан коммуникационными потоками любого рода, от инженерных до интеллектуальных, от реальных до виртуальных, и это, возможно, главный закон развития города. Глобальный хронотоп схватывает город в условиях интенсивной коммуникации, быстрых, зачастую противоречивых пространственно-временных трансформаций, которые одновременно востребуют и задают определенный тип горожанина – «... конкурентоспособного современного человека с особой манерой восприятия информации, особой моделью поведения, особыми способами самовыражения, актуальными с позиций современной цивилизации» [Барабошина 2013, 14]. Глобальный хронотоп в этой связи указывает на то, насколько город готов предоставить возможности для самореализации и самоактуализации горожан – от профессиональной состоятельности до неформальной творческой активности, от образовательных притязаний до досуговых предпочтений. Глобальный город прирастает виртуальными и реальными площадками городской коммуникации. Фиксируются и негативные аспекты, когда усложнение знаково-символического «пресса» городской среды, усиление коммуникационных потоков вырабатывает у жителя города защитные реакции в виде обезличенного формального общения, «выключенного» восприятия, синдрома информационной усталости.

Авторами выделены следующие ключевые черты глобального хронотопа: динамизм, мобильность, открытость, разнообразие, включенность в глобальные процессы. «Динамизм определяется насыщенностью пространства и времени города различного рода взаимодействиями, событиями, мероприятиями и т.д. Мобильность предполагает свободу перемещения как

внутри, так и между различными площадками самореализации (смена мест работы, образования, отдыха, развлечения и т.д.). Открытость характеризуется способностью города создавать и культивировать различные площадки для самореализации как постоянные, традиционные, так и мобильно-временные (акции, проекты, фестивали и т.д.). Разнообразие находит отражение в широком спектре различных видов и типов данных пространств, отличающихся как по своему назначению, так и по временным ритмам. Включенность в глобальные процессы отражает встроенность города в глобальную инновационную и коммуникационную среду (международное сотрудничество, зарубежные стажировки, культурные события мирового уровня и т.п.)» [Иливицкая, Бурлина 2014, 68].

Можно отметить, что хронотопия позволяет прочесть темпорально-топосные смыслы города, проследить его трансформации во времени и пространстве. Данная методология систематизирует и углубляет представления о городе как культурном феномене. Органическое сочетание в городском пространстве всех инвариантов хронотопа позволяет говорить о городе как самобытном, уникальном, гармоничном месте, фиксирует чувство сопричастности горожанина к прошлому, настоящему и будущему своего города. Тогда как преобладание одного из инвариантов хронотопа говорит о серьезных проблемах городского поселения. Так, например, в случае, когда профанный хронотоп оказывается аксиологической доминантой отдельных районов, весь город превращается в «захолустье», «провинциальную дыру», «город N».

Заключение

Представляется, что предлагаемая методология культурно-философской интерпретации модусов пространства-времени открывает новые перспективы диагностирования города как социокультурного феномена. Одновременно она позволяет говорить о складывании трансдисциплинарного подхода в городских исследованиях, закладывая основы соединения теории с реальной практикой городского управления и проектирования городской среды. В соответствии с требованиями, предъявляемыми современному городу, хронотопия позволяет управлять созданием позитивного имиджа – эффективной модели данного города, сопоставимого с другими территориями. Органичная и

сбалансированная хронотопия определяет векторы культурной индустрии, тогда как производство культуры в городе необратимо детерминируется возможностями и особенностями пространственно-временного бытия.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Анциферов, Анциферов 1926 – *Анциферов Н.П., Анциферов Т.П.* Книга о городе. – Л.: Брокгауз-Ефрон, 1926.

Анциферов 1926 – *Анциферов Н.П.* Пути изучения города как социального организма. – Л.: Сеятель, 1926.

Аузан 2016 – *Аузан А.* Для развития экономики должен произойти культурный сдвиг // Сноб. 11 декабря, 2016. – URL: <https://snob.ru/selected/entry/117736>

Барбошина 2013 – *Барбошина Н.В.* Хронотоп малого города: Бузулук – культурное пограничье: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 24.00.01. – Саранск, 2013.

Бахтин 1975 – *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.

Бокурадзе 2015 – *Бокурадзе Д.С.* Театр как грань города: хронотоп, поэтика, фестивальное пространство: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01. – Саранск, 2015

Бурлина и др. 2016 – *Бурлина Е. Я., Иливицкая Л. Г., Кузовенкова Ю. А., Голубинов Я. А., Барбошина Н. В., Шиллинг Е.* Хронотопия города: монография. В 2-х т. – Самара: Книжное издательство, 2016.

Воронина 2015 – *Воронина Н.И.* М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. / под ред. Н.И. Ворониной. 25–26 нояб. 2015 г. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016.

Глазычев 1984 – *Глазычев В.Л.* Социально-экономическая интерпретация городской среды. – М.: Наука, 1984.

Город... 2012 – *Город и время / авторы проекта: Е.Я. Бурлина, Л.Г. Иливицкая, Ю.А. Кузовенкова.* В 2 т. – Самара: Самарское книжное издательство, 2012.

Город... 2015 – *Город как сцена. История. Повседневность. Будущее.* Интернациональный научно-исследовательский альманах / под ред. Е.Я. Бурлиной. В 2 т. – Самара: Медиа-книга, 2015.

Гранкина 2016 – *Гранкина Е.А.* Гуманитарное пространство города: хронотоп, институты, «гении места» пространство: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01. – Саранск, 2009.

Гревс 1921 – *Гревс М.Н.* Монументальный город и исторические экскурсии // Экскурсионное дело / под ред. проф. И. И. Полянского и акад. В.М. Шимкевича. – Петроград, 1921.

Злотникова 2011 – *Злотникова Т.С.* Человек. Хронотоп. Культура. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011

Иванов 2010 – *Иванов А.В.* Хребет России. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2010.

Иливицкая 2011 – *Иливицкая Л.Г.* Время и хронотип: новые подходы и понятия: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 24.00.01. – Саранск, 2011.

Иливицкая, Бурлина 2014 – *Иливицкая Л.Г., Бурлина Е.Я.* Методология пространственно-временной диагностики: хронотоп и хронотопия // Полифония городских пространств: Интернациональный научно-исследовательский альманах. Обзоры и концепция. В 2 т. Т. 1. – Самара: Медиакнига, 2014.

Кузовенкова 2009 – *Кузовенкова Ю.А.* Город в идеальном измерении: от образа к имиджу: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01. – Саранск, 2009

Летина 2009 – *Летина Н.Н.* Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII-XIX вв.): автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01. – Ярославль, 2009.

Лефевр 2008 – *Лефевр А.* Другие Парижи // Логос. 2008. № 3. С. 141–147.

Митин 2014 – *Митин И.И.* Место как палимпсест: мифогеографический подход в культурной географии // Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А.Г. Дружинина и В.Н. Стрелецкого. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного фед. ун-та, 2014. С. 147–156.

Митчелл 2012 – *Митчелл У. Я++:* человек, город, сеть. – М.: Strelka Press, 2012.

Полифония... 2014 – *Полифония городских пространств: Интернациональный научно-исследовательский альманах. Обзоры и концепция.* В 2 т. – Самара: Медиа-книга, 2014.

Ревзина 2006 – *Ревзина О.Г.* Хронотоп в современном романе // Художественный текст как динамическая система: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 80-летию В. П. Григорьева 19–22 мая 2005. – М., 2006. С. 265–279

Слёзкин 2019 – *Слёзкин Ю.* Дом правительства. Сага о русской революции. – М.: Corpus, 2019

Ухтомский 2000 – *Ухтомский А.А.* Доминанта души: из гуманитарного наследия. – Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000.

Фуко 2006 – *Фуко М.* Другие пространства // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. – М.: Праксис, 2006. С. 191–204.

Щербакова 2012 – *Город и деревня в современном мире по данным ООН.* – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0507/barom01.php>

Harvey 1989 – *Harvey D.* The Urban Experience. – Oxford: Blackwell, 1989

Schlögel 2017 – *Schlögel K.* Sowjetische Jahrhundert. Archäologie einer untergegangenen Welt. – München: C.H. Beck Verlag, 2017.

Soja 1980 – *Soja E.* Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. – London; New York: Verso, 1989.

REFERENCES

Antsiferov N.P, Antsiferov T.P. (1926) A book about the city. Leningrad (in Russian).

Antsiferov N.P. (1926) Ways to explore the city as a social organism. Leningrad (in Russian).

Auzan A., Konchalovsky A. The cultural code of the nation: socio-economic importance. – URL: <https://snob.ru/selected/entry/117736> (in Russian).

Baraboshina N.V. (2013) Chronotope of a small city: Buzuluk-cultural frontier: dissertation dis. ... Candidate of Philosophy: 24.00.01. Saransk (in Russian).

Bakhtin M.M. (1975) Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics // Questions of literature and aesthetics. Moscow, pp. 234–407. (in Russian).

Bokuradze D.S. (2015) Theater as an edge of the city: chronotope, poetics, festival space: dissertation dis. ... candidate of cultural studies: 24.00.01. Saransk (in Russian).

Burlina E.Ya., Iliyevskaya L.G., Kuvovenkova Yu.A., Golubinov Ya.A., Baraboshina N.V., Schilling E. (2016) Chronotopy of the City. In 2 vols. Samara (in Russian).

City and time (2012) / Project authors: E.Ya. Burlina, L.G. Iliyevskaya, Yu.A. Kuvovenkova. In 2 volumes. Samara (in Russian).

City and village in the modern world according to the UN. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0507/barom01.php> (in Russian)

City as a scene. Story. Daily routine. Future (2015). Ed. E.Y. Burlina. In 2 volumes. Samara (in Russian).

Foucault M. (2006) Other Spaces. Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews. Part 3. Moscow, pp. 191-204 (in Russian).

Glazychev V.L. (1984) Socio-economic interpretation of the urban environment. Moscow (in Russian).

Grankina E.A. (2016) Humanitarian space of the city: chronotope, institutions, «geniuses of the place» space: author's abstract dis. ... candidate of cultural studies: 24.00.01. Saransk (in Russian).

Grevs M.N. (1921) Monumental City and Historical Excursions. Sightseeing Business / Ed. prof. I. I. Polyansky and Acad. V.M. Shimkevich. Petrograd (in Russian).

Harvey D. (1989) The Urban Experience. – Oxford: Blackwell. 1989.

Ivanov A.V. (2010) The ridge of Russia. St. Petersburg (in Russian).

Ilyevskaya L.G. (2011) Time and chronotype: new approaches and concepts: author's abstract dis. ... Candidate of Philosophy: 24.00.01. Saransk (in Russian).

Kuvovenkova Yu.A. (2009) The city in an ideal dimension: from image to image: abstract of dis. ... candidate of cultural studies: 24.00.01. Saransk (in Russian).

Letina N. N. (2009) Russian chronotope in the cultural experience of the frontiers (XVIII-XIX centuries): author. dis. ... Dr. cultural studies: 24.00.01. Yaroslavl (in Russian).

Lefevre A. (2008) Other Paris. Logos. 2008. № 3, pp. 141–147 (in Russian).

Mitin I.I. (2014) Place as a palimpsest: a mythological and geographical approach in cultural geography. Phenomenon of culture in Russian social geography: expert opinions, analytics, concepts / Ed. A.G. Druzhinin and V.N. Streletsky. Rostov-n/D, pp. 147-156 (in Russian).

Mitchell U. I ++: man, city, network. – URL: <http://www.litmir.net/br/?b=198385> (in Russian).

Polyphony of Urban Spaces (2014) / Project authors: Burlina E., Maizzies V., Iliyevskaya L., Kuvovenkova Yu., Golubinov Ya., Baraboshina N., Grankina E., Bokuradze D., Shilling E. In 2 volumes. Samara (in Russian).

Revzina O.G. (2006) Chronotope in the modern novel. Artistic text as a dynamic system. Moscow, pp. 265–279 (in Russian).

Schlögel K. (2017) Sowjetische Jahrhundert. Archäologie einer untergegangenen Welt. – Verlag C.H. Beck oHG. München 2017.

Slezkin Y. (2019) Government House. The saga of the Russian revolution. Moscow (in Russian)

Soja E. Postmodern Geographies: The Critical Social Theory. – L., N. Y.: Verso, 1989.

Ukhtomsky A.A. (2000) Dominant of the soul: from the humanitarian heritage. Rybinsk (in Russian).

Urban Studies. Dictionary of sociological terms. – URL: <https://sites.google.com>. (in Russian).

Voronina 2015 – Voronina N.I. MM Bakhtin in the modern world: materials of the VI International. Saransk Bakhtinskogo readings dedicated. 120th anniversary of the birth of a scientist. - Ed. N.I. Voronina. – November 25–26. 2015 – Saransk: Publishing house Mordov. University, 2016. – 404 p.

Zlotnikova T.S. (2011) Person. Chronotope. Culture. Yaroslavl (in Russian).